

Позвонила знакомому ювелиру. С меня началась его «левая» карьера. Вырос, оброс клиентами и неохотно стал работать на своих первых заказчиков: стеснялся заламывать цену.

Трубку берет жена. «Повлияй,— прошу,— на мужа, пусть в память старой дружбы колечко мне переделает». «Не могу,— отвечает,— я на него повлияю. Он — в ФРГ. Как!.. Так... Уехал. Навсегда. Квалификация у него. Как платят? Роскошно. И мы с дочкой туда поедem. Через месяц. Навсегда...»

Разговаривала со мной жена гордо. В Бонн поедет. Ух ты! Помню нашу первую встречу. Однокомнатная квартира, взволнованный, почти заискивающий будущий маэстро, творец украшений, замурзанный ребенок с вымазанным манной кашей ртом. И предупредительная, в байковом халате, с волевым подбородком жена.

Потом она мне привозила домой какой-то мой заказ: уже на собственной машине, в песчовом жакете, в сергах до плеча. Я, хоть у меня и другая система ценностей, ее зауважала. Все-таки — автомобиль, меха, бриллианты. Красиво, черт возьми!

Представила себе аккуратный, комфортабельный Бонн. Там они жить будут. Муж уже по-немецки хорошо говорит. Они с дочкой тоже осоят. Будут ходить по шикарным магазинам. Забудут наши, как страшный сон. Вижу счастливое женское лицо с волевым подбородком. Приоденется. И так — не голая, про байковый халат, небось, давно забыла, но — уж куда нашему до ихнего! Завидую. Жена у велира!

Это мне там делать нечего, кому нужны русские стихи, кроме узкого круга «революционеров»-эмигрантов...

А если разобраться: ведь правильно, наверное, что уезжают. Что им тут-то? У нас такая заваруха-развалюха. Они же не политики, не писатели, не актеры, не партийные функционеры. Им просто хорошо жить надо. Хотя уезжают и актеры, и пишущая братия, но больше — люди практических профессий.

Разбегаются...

А почему бы и нет? Воистину: что делать в нашей отсталой стране кибернетикам, массажистам, сиделкам и врачам, инженерам и биологам, футболистам и музыкантам? То ли дело — в ЮАР. Или в Новой Зеландии. В Швейцарии. Уж не говорю о Штатах. Даже в Израиле, рассказывают, потрясающе, хоть и взрывоопасно. Слышала, там, в Израиле, русский язык скоро станет еще одним государственным.

Неужто и впрямь — разбегаемся?

В основном молодежь. Ищет перспективу и обеспечение. Знакомому молодому программисту предложили в Кейптаун — на пять лет. По контракту. Дом дают, машину, денег куча. Живу — не хочу! Все доступно, все можно, нельзя только работу для черных выполнять, несоместимую с достоинством белого человека. Ну это условие солистости просто. Мало ли что нам про интернационализм долбили.

Молодой художник плюнул на художество и стал специалистом по родам в морской воде. Едет в Новую Зеландию. Понятно, у нас морей мало, людей много, в воде особенно не нарожаешься.

Приятель сына подруги хочет — очень хочет — жениться на иностранке. Любой национальности, это неважно, лишь бы не такая уж разноцветная, не слишком уродливая и желательна богата. «Хотя, — говорит он, — с моими руками и головой я и так не пропаду там». Здесь, конечно, пропадет. Что у нас тут хорошего? В магазинах — щупальца кальмара и морская капуста. Рынок пока отрегулируют, с голоду померем. Заработать трудно, а заработаешь — на кой черт? Остров не купишь, на Гавайи отдыхать не полетишь, и вообще.

А один общий приятель женился-таки на американке. Добился. Отправился в гости к но-

вой родне, то ли в Кливленд, то ли в Айову. Сбылась голубая мечта. Вернулся месяца через два. Пришел к приятелю в гости. Тот первым делом спрашивает: что привез? Это же нас всегда в первую очередь волнует, когда кто-то из-за рубежа домой возвращается. «Видик?.. Двухкасетник?.. Плейер?..» «Нет, — отвечает московский американец, — противно смотреть, как наши все это прут из Штатов. Не

что так, что этак, доставать все равно трудно. Так пусть себе живут в Овьедо, какая разница.

Пусть вообще каждый живет, где хочет и может! Людей понять надо, вот — самое главное. Музыканты наши, читала, сейчас зачастили за границу, поют и играют в тамошних кабаках, валюту зарабатывают. Валюта есть валюта. Как этого не понять! Популярны наши рок-звезды, даже если у них никакие способности к языкам, исполняют свои песни по отечественному телевизору и в разных программах все больше по-английски. Душа за них радуется, как они тщательно неподдающиеся иностранные слова выговаривают, и раз от раза у них все грамотнее получается. Поедут на Запад, блеснут там, покажут наши таланты в переводе на ихние языки! А некоторые, видно, и осадут там навеки. Да и осели уже.

«Что он такой липучий?» — подумала я. Видно, эти анкеты — ходоковой товар. Мне рассказывали, что их заполняют, отправляют в соответствующее иноземное посольство, там их складывают в компьютер, и компьютер решает, подходить ли данной державе или нет. Этаким невольничий рынок конца двадцатого века...

Имеются у меня и такие знакомцы: ездят из СССР в соседнюю страну, из соседней страны — в СССР, как они там с тамошней, не знаю, но товары возят тудой-судой. Эти пока не разбегаются, торгуют помаленьку.

Иногда звонит мне знакомый медик, у которого что-то застопорилось с отбытием. Боже, я ему даже сочувствую! Говорю: имей терпение, это так скоро не бывает, вас же много...

А что, их и вправду много? Нас, остающихся, наверное, все-таки больше. Ведь не могут же все уехать. Но этим, которые разбегаются, так и хочется сказать: И на кого ж вы нас покидаете? С нашими плохими квартирами и маленькими зарплатами, с нашим головомольным плюрализмом и свирепой демократией, с нашим бескартостью и безмьсьем, с нашей уже не правящей коммунистической и еще не правящими всеми прочими? Может, не уедете, а? Смотрите, уже и церкви работают, и гимназии открывают, и разгосударствление грядет, авось что-то каждому и достанется? И потом: наши культурные ценности! Наша не до конца истребленная родная природа («три березы...» и т. д.), наша загадочная русская душа, наш Петр Первый и наш Николай Второй, наша водка и наш квас... Наше! Как же — с нашим-то? Или вам уже на все это — тьфу? Не верю!

А помните песню: «А я остаюсь с тобою, родная моя сторона...»? Я-то вот точно остаюсь. Я за границей, слава богу, побывала, ездила немало, денег, правда, всегда было — копейки, но и на эти деньги все же ухитрялись купить много. Помню: подруге из Парижа великолепный — за два франка — поднос привезла с рецептом приготовления лукового супа. Замечательный поднос и очень полезный. Сыну — пистоль из замка Иф.

Мужу... Себе... Вот-вот, точно, я теперь до конца поняла: самый для меня кайф за границей был в том, что можно оттуда вернуться, именно вернуться и форснуть чем-то оттуда, чего здесь нет. Ах, вельветовое пальто, купленное в Париже, в магазине Тати, где покупает цыгане, нищие и советские граждане! Или сапоги из Уругвая, приобретенные на распродаже. По дешевке, естественно. Шестой год ношу!

А впрочем, что это я взялась перечислять? Всю свою сознательную жизнь одеваюсь в вещи оттуда. Ну а уж если случилось хорошую вещь приобрести, радости моей не было конца! Я же патриотка. Это у меня, как сейчас говорят, без альтернативы. И именно из-за своего патриотизма, а еще из-за того, что я не маникюристка и не нейрохирург, остаюсь. Не разбегаюсь. Под защитой крутого россиянина Ельцина и всеобщего международного любимца Горбачева. Под опекой своего дэда, как-никак дающего талончики на сахар и на табак. Под крылом Моссосвета и неразвалившегося еще Союза писателей. Остаюсь — сочувствовать, что-то делать, ждать, надеяться. Да просто жить. Я никого не осуждаю, спаси господи! Счастья вам, ребята! Приветесь, черенки! Влейтесь дружно в цивилизованную жизнь.

...А я остаюсь с тобою, родная моя сторона...

Мне нужен и берег турецкий, и Африка мне нужна, и Греция, где все есть, и Гондурас, и курящая Калифорния. Только — отсюда, из-под московской крыши. Из моего дома. А там поглядим.

Римма КАЗАКОВА.

Кому нужны виртуозы Москвы

хотелось, понимаешь, быть жлобом. Выдлом таким. Не купили мы ничего этого и не привезли...» «А что же купили и привезли?» «Мы-то?.. Ну... Мыла на год, — раз. Шампуня на год — два. Питания для нашей кошки на год — три. Ну и по мелочам...»

Мне рассказывал сын подружки, приятель счастливого американского мужа: в гости он пришел во всем американском, очень новом и очень ярком. И кепочка на нем была фермерская, ярко-красная, с фирменной надписью над козырьком. И он еще почему-то не снял, сев за стол. От рюмки с водкой отказался под одобрительным взглядом американской жены. А потом она извлекла из сумочки три бутылки кока-колы, и весь вечер они эту кока-колу с женой попивали. Все за столом пили водку и, поглядывая на коричневые бутылочки, понимали свою глубокую провинциальность.

Да, заграничная жизнь полна для нас неизведанной прелести и загадочности, может, и поэтому стремятся к ней даже самые передовые и вроде бы нужные Отечеству молодые люди.

Некоторые подающие надежды, только что вошедшие в литературу молодые писатели разбежались по университетам США, по Даниям и Швециям. Родная литература подождет, а они там пока поучатся или попреподают. А еще года два-три назад шумели, громко о себе заявляли, в провозвестники резкого перестроенного авангарда метили. Что их за рубеж поволокло? Слава Солженицына и Лимонова, Бродского и Войновича? Потянут ли? А если — нет?

Покрутятся, прибрахляются, приобретут персональные компьютеры и прочую технику и вернуться? Все же — где родился, там сгодился... Или нет?..

Уезжают и литературные «мэтры» — не навсегда, на контрактную работу, в разные Гарварды и Стэнфорды. Полагаю, чтобы переждать там смутное время. Да и голодное. Впрочем, не берусь судить. Вот «Виртуозы Москвы» во главе со Спиваковым поселились в Астурии. Климат там намного лучше, чем в Москве. Наверное, это все и определило. Я не сильно горюю: по радио сказали, что они на гастроли приезжать в Москву тоже будут, вот, говорят, чуть не сегодня выступают в консерватории. А билеты на них,

Растрогал меня наш бывший, а теперь американский музыкант Анатолий Могилевский. Приехал на родину в гости и испереживался весь: «Как вы тут, ребята, на автомобилях ездите? Я за десять лет десять машин поменял, а тут у друга — все тот же ржавый «жигуль»...»

Прав, ох, прав! Как мы ездим! Золотой наш Гавриил Харитонович, сказывают, распорядился дороги в Москве чинить, но и чинить разучились, не то что строить. У меня под окнами переулок три раза асфальтом крыли, и все не получалось, как надо. Все же кое-как довели до приемлемой кондиции. И то потому, наверное, что переулок этот — Коптевский, где больница Склифосовского находится. Кто-то грустно пошутил: чтобы после митингов потерпевших развозить сподручнее было...

О, чуть не забыла и об анкетах!

Анкеты появились. Желающих уехать в заграничное государство. За них, говорят, чуть не дерутся наши «разбегающиеся» в иностранных посольствах. А ко мне как-то на Садовом, где я лаваш в кооперативе покупала, подошел некто в джинсовом одеянии и предложил такую анкетку за пятнадцать рублей. Я говорю: «Мне не надо, я уже в свои не слишком юные годы никак не поеду». Настырный вербовщик не отстает: «Может, сын поедет...», — и кивает на моего такого же джинсового сына. «Не поедет», — говорит сын, почему-то в третьем лице. «Ну так друзьям предложите!»